

Научная статья и публикация
архивных документов /
Research Article and Publication
of Archival Documents

<https://elibrary.ru/YDVEJW>
УДК 821.161.1.0 + 821.162.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)6 +
83.3(4Пол)6

«ВЫ ОКАЗАЛИ БЫ МНЕ БОЛЬШУЮ УСЛУГУ»: ПИСЬМА ДМИТРИЯ МЕРЕЖКОВСКОГО К МАРИАНУ ЗДЗЕХОВСКОМУ

© 2026 г. Л.Ф. Луцевич
Варшавский университет, Варшава, Польша
Дата поступления статьи: 15 декабря 2025 г.
Дата одобрения рецензентами: 19 января 2026 г.
Дата публикации: 25 июня 2026 г.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-II-2-304-325>

Благодарность: Автор сердечно благодарит коллегу Иоанну Пиотровску, доктора филологических наук, адъюнкта Варшавского университета, за подаренное ко Дню учителя неопубликованное письмо Д.С. Мережковского Мариану Здзеховскому от 3 ноября 1929 г., обнаруженное ею в Архиве Академии наук Польши.

Аннотация: Автор статьи сосредоточился на контактах двух известных мыслителей: русского писателя Д.С. Мережковского и польского философа, религиоведа, культуролога Мариана Здзеховского. В статье отмечено влияние славянофильства на формирование философских и культурологических воззрений Здзеховского; указаны его связи с русской элитой Серебряного века; выявлена общность интересов к проблемам нового модернистского религиозного сознания на Западе и в России; рассмотрены реальные факты дружеского общения с Мережковскими. Особое внимание в статье уделено неизвестному ранее письму Мережковского от 3 ноября 1929 г. (обнаруженному в Архиве Польской Академии Наук), в котором русский автор обращался к Здзеховскому с просьбой найти «польского приличного издателя» для его нового романа «Наполеон». Это письмо с соответствующими комментариями публикуется впервые. «Услуга», о которой просил Мережковский, была оказана. Роман вышел в 1930 г. в одном из крупнейших издательств того времени (*Księgarnia Wydawnicza Trzaska, Evert i Michalski*), а ее переводчиком выступил один из лучших в Польше — Павел Гулка-Лясковский. Процесс эпистолярного общения Мережковского и Здзеховского — свидетельство духовного единения, взаимоуважения двух мыслителей, преодолевавших в результате многолетнего интеллектуального диалога национальные барьеры, политические бури и эмигрантские невзгоды.

Ключевые слова: Д.С. Мережковский, Мариан Здзеховский, славянофильство, мессианизм, новое религиозное сознание, русско-польский диалог, переписка

Информация об авторе: Людмила Федоровна Луцевич — доктор филологических наук, профессор, Варшавский университет, ул. Краковское предместье, д. 26/28, 00-927 г. Варшава, Польша. <https://orcid.org/0000-0002-6340-2598>

E-mail: l.lutevici@uw.edu.pl; ludmilalucewicz@gmail.com

Для цитирования: Луцевич Л.Ф. «Вы оказали бы мне большую услугу»: письма Дмитрия Мережковского к Мариану Здзеховскому // Studia Litterarum. 2026. Т. II, № 2. С. 304–325. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-II-2-304-325>



This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 11, no. 2, 2026

"YOU WOULD HAVE DONE ME A GREAT FAVOR": LETTERS FROM DMITRY MEREZHKOVSKY TO MARIAN ZDZIECHOWSKI

© 2026. Lyudmila F. Lutsevich
University of Warsaw, Warsaw, Poland
Received: December 15, 2025
Approved after reviewing: January 19, 2026
Date of publication: June 25, 2026

Acknowledgments: The author sincerely thanks her colleague Joanna Piotrowska, DSc in Philology, Adjunct Professor at the University of Warsaw, for the gift, for Teacher's Day, of an unpublished letter from D.S. Merezhkovsky to Marian Zdziechowski dated November 3, 1929, which she discovered in the Archives of the Polish Academy of Sciences.

Abstract: The author of the article focused on the contacts between two famous thinkers: the Russian writer D.S. Merezhkovsky and the Polish philosopher, religious scholar, and cultural scientist Marian Zdziechowski. The article notes the influence of Slavophilism on the formation of Zdziechowski's philosophical and cultural views; indicates his connections with the Russian elite of the Silver Age; reveals a common interest in the problems of the new modernist religious consciousness in the West and in Russia; and examines real facts of friendly communication with the Merezhkovskys. The article pays special attention to a previously unknown letter from Merezhkovsky dated November 3, 1929 (discovered in the Archives of the Polish Academy of Sciences), in which the Russian author addressed Zdziechowski with a request to find a "respectable Polish publisher" for his new novel "Napoleon." This letter, along with the accompanying commentary, is being published for the first time. The "favor" Merezhkovsky requested was rendered. The novel was published in 1930 by one of the largest publishing houses of the time (Księgarnia Wydawnicza Trzaska, Evert i Michalski), and its translator was one of Poland's finest, Paweł Gulka-Laskowski. The process of epistolary communication between Merezhkovsky and Zdziechowski is evidence of the spiritual unity and mutual respect of two thinkers who, as a result of many years of intellectual dialogue, overcame national barriers, political storms, and the hardships of emigration.

Keywords: D.S. Merezhkovsky, Marian Zdziechowski, Slavophilism, messianism, new religious consciousness, Russian-Polish dialogue, correspondence

Information about the author: Lyudmila F. Lutsevich, DSc in Philology, Professor, University of Warsaw, Krakowskie Przedmieście St., 26/28, 00-927 Warsaw, Poland.
<https://orcid.org/0000-0002-6340-2598>

E-mail: l.lutsevici@uw.edu.pl; ludmilaluciewicz@gmail.com

For citation: Lutsevich, L.F. "You Would Have Done me a Great Favor": Letters from Dmitry Merezhkovsky to Marian Zdziechowski." *Studia Litterarum*, vol. 11, no. 2, 2026, pp. 304–325. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-11-2-304-325>

I

Мариан Здзеховский (Marian Zdziechowski, 1861–1938) — самобытный польский философ, историк, религиовед, теоретик общественной мысли, знаток славянских культур, оказался в тесной связи с интеллектуальной и художественной элитой русского Серебряного века. Исследователь его биографии и научного наследия Генрих Папроцкий (Henryk Paprocki) — ксендз, теолог, философ, переводчик трудов С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, П.А. Флоренского, Н.О. Лосского, В.В. Розанова и др., указывал, что Мариан Здзеховский занимает уникальное место в истории польской религиозной мысли «благодаря оригинальности своих взглядов, которые существовали изолированно в межвоенный период» [13, s. 49]. Уникальность определяется прежде всего тем, что М. Здзеховский выступил «как великий пропагандист русской философии, а также как продолжатель — что чрезвычайно важно — некоторых ее направлений» [14, s. 193]. Профессор Ян Сकोчиньски (Jan Skoczyński) — автор ряда трудов, посвященных изучению философских воззрений польского ученого, считал М. Здзеховского фактически «единственным исследователем российской мысли среди поляков», благодаря публикациям которого «узнавало польское общество о чрезвычайно богатой интеллектуальной жизни России» [17, s. 113]. Наследие польского философа составляют десятки книг, многочисленные статьи и выступления, солидный эпистолярный фонд. В круг его адресатов входили: Л.Н. Толстой, В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, Е.Н. и Г.Н. Трубецкие, Н.С. Арсеньев, П.Б. Струве, Н.А. Бердяев, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, Д.В. Филосовов, многие другие. Леон Гомолицкий, наряду с высокой оценкой научной деятельности философа, отмечал благородство и возвышенность его личности: «Все

близко знавшие Здзеховского преклонялись пред его рыцарством, духовным горением, незнанием компромиссов с совестью, бесстрашием, когда дело шло о справедливости или защите угнетенных. Горение это заражало окружающих, создавая личное обаяние Здзеховского. Его считали народной совестью, человеком необычайной воли и возвышенного духа» [21]. Эта характеристика определялась высокими гуманистическими позициями философа, его умением оценивать людей и события прежде всего «с моральной точки зрения» [16, s. 148]. Если в Польше творческая деятельность М. Здзеховского неизменно привлекала и привлекает внимание исследователей, о чем свидетельствуют проводимые конференции и издание многочисленных научных трудов, то в России наследие философа находится на периферии научных исследований. В.М. Дианова справедливо констатировала: «Есть имена незаслуженно забытые. К ним можно отнести Мариана Эдмундовича Здзеховского — литературоведа, философа, публициста, чье имя в большей степени известно сегодня в Польше и Литве, нежели в России» [5, с. 47].

Мариан Здзеховский родился в 1861 г. в Новоселках, недалеко от местечка Раков Минской губернии (эта территория входила в состав Российской империи после второго раздела Речи Посполитой в 1793 г.), в богатой дворянской семье, где были традиционно сильны русофобские настроения, которые усвоил и юноша. При этом он окончил лучшую русскую гимназию в Минске в 1879 г., обучался на историко-филологическом факультете сначала Петербургского, а затем Дерптского университетов (1879–1883 гг.). В Петербурге под влиянием профессора О.Ф. Миллера — блестящего лектора, знатока древнерусской духовной жизни, фольклора и литературы, он погрузился в русскую историю, культуру, литературу, впервые познакомился с творчеством славянофилов, которое воспринял в романтической трактовке профессора как «полет мысли к небу» [4, с. 349]. В Дерптском университете прослушал курс лекций по истории русской, сербской и болгарской литератур профессора П.А. Висковатова — известного исследователя и издателя первого полного собрания сочинений и научной биографии М.Ю. Лермонтова. Оба профессора — О.Ф. Миллер и П.А. Висковатов — разделяли славянофильские убеждения, акцентировали внимание на православии и его идеалах, активно пропагандируя их на лекциях и в публичных выступлениях. Позже М. Здзеховский признавал-

ся: «Не будет преувеличением, если скажу, что я один из тех немногих поляков, кто не только смотрит без предубеждения на православие, но умеет оценить его и почувствовать красоту восточного христианства. Этим обязан я тому, что, когда был молод, в университетские годы в Дерпте, я познакомился с сочинениями первых русских славянофилов. Под глубоким впечатлением от лекций профессора Висковатова я начал читать и изучать Хомякова. Меня увлек широкий размах его мысли, ослепила идея Церкви и ее задачи <...>. Поразила меня и аналогия между православно-русским мессианизмом Хомякова и его друзей, и окрашенным католической мыслью мессианизмом Мицкевича и Красинского» [35, s. 153]. Как видно из этих признаний, Здзеховский со студенческих лет увлекся, а впоследствии глубоко заинтересовался и изучил сочинения славянофилов, культивировавших идею уникальности русского православия как основы национальной идентичности, противопоставляя его западному рационализму и католицизму. Он подчеркивал религиозную и общекультурную значимость феномена православия, его высочайшую эстетическую и духовную ценность. Именно этот «широкий размах мысли» А.С. Хомякова, получивший выражение в его концепции Церкви как соборного организма, где истина рождается в единстве верующих, а не в индивидуальном толковании Св. Писания, впоследствии инициировал размышления молодого польского ученого о славянском мессианизме. Примечательна выстроенная им аналогия между православно-русским мессианизмом Хомякова, где доминирует идея России как духовного лидера славянского мира, и католически окрашенным мессианизмом польских романтиков — Адама Мицкевича и Зигмунта Красинского, где на первом плане идея Польши как «Христа народов», т. е. страдающей нации, предназначенной спасти мир через жертву и возрождение. Здзеховский обратил внимание на параллели в идеях избранности и мессии, что позволило ему, преодолевая культурные барьеры, интегрировать русские идеи в польский контекст. Как отмечает Генрих Папроцкий, «славянофильские воззрения оказались близки Здзеховскому, он полностью изменил свои взгляды на православие и русскую мысль, особенно изучая труды Алексея Хомякова, Владимира Соловьева и Ивана Киреевского» [13, s. 49]. Определенное влияние на Здзеховского-студента в Дерптском университете оказал и профессор Густав Тейхмюллер — немецкий философ-идеалист, создатель философской

доктрины персонализма. Обращаясь к своим студентам, Г. Тейхмюллер призывал: «В науке, искусстве и любви нужно искать высочайшей цели человеческих усилий, а все это может иметь свое существование только в индивидуальной душе, в личности, которая познает, творит и действует» [11]. Углубляясь в рассуждения профессора, Здзеховский стремился расширить свои познания в области философии, психологии, искусства. В университетах Женевы, Граца, Загреба он слушал лекции по современной европейской гуманитаристике, хотя впоследствии неизменно подчеркивал, что его мирозерцание в значительной степени определялось влиянием русской культуры. С 1888 г. Здзеховский обосновался в Кракове. Его карьера складывалась весьма успешно: доктор (1889), хабилитированный доктор (1894), профессор Ягеллонского университета (1899), член-корреспондент, действительный член Академии наук в Кракове (1903), заведующий кафедрой всемирной литературы университета в Вильно (1919), декан гуманитарного отделения (1921–1922), ректор (1925–1927). Неизменно его интересовали процессы, происходившие в современной русской общественной мысли и культуре.

Свои первые труды молодой ученый издал под псевдонимом М. Урсин на русском языке. В книге «Очерки по психологии славянского племени. Славянофилы» (1887), посвященной проф. П.А. Висковатову [28, с. 3], автор впервые предпринял опыт «сравнительного изучения славянского мира», рассмотрев политические, философско-религиозные, историософские концепции представителей польской, русской, украинской и сербской культур. В качестве «всеобщей психической черты» славян автор выдвинул «мистический патриотизм», суть которого составляет мистическая вера народов в особое призвание «возродить погрязший в сухом рационализме мир» с помощью «живого чувства» [28, с. 5]. Эта работа стала важным вкладом в сравнительное славяноведение. Вторая книга М. Здзеховского на русском языке раскрывала «Религиозно-политические идеалы польского общества» (1896) [29]. Автор сосредоточился на проблемах польского мессианизма и его эволюции от романтических иллюзий через позитивизм и консерватизм к аскетической мудрости и духовной зрелости. Вопросы, затронутые Здзеховским в ранних трудах, в скором времени оказались значимыми для нового модернистского религиозного сознания как на Западе — во Франции, Италии, Польше, так и на Востоке — в России.

Представители русской интеллигенции, поставившие в начале XX в. проблему обновления религиозного сознания для приведения его в соответствие с современной эстетической и научной мыслью, знали, что этот вопрос, несколько ранее актуализированный иерархами католической церкви, перерос в интеллектуальное и духовное движение, получившее впоследствии название «Римско-Католический модернизм 1890–1910-х гг.», которое стремилось примирить христианскую доктрину с достижениями современной науки, философии и культуры. Оно возникло как реакция на вызовы индустриализации, секуляризации и исторической критики Библии.

Ксендз, доктор богословия Анджей Доброневский (Ks. Dr Andrzej Dobroniewski) в книге «Модернизм и модернисты» („Modernizm i moderniści“, 1911) ставил актуальные на тот момент вопросы: «Что такое модернизм, каковы его истоки и причины, и как нам следует относиться к нему с точки зрения веры и знания?» [12, с. 6] Автор, скрупулезно проанализировав модернистскую философию религии, веры и теологии, представил исторический обзор модернистского движения, оценивая его не только с позиций католицизма, но и современной философии. Доктор богословия, профессор Казанской духовной академии В.А. Керенский (1855–1919) в работе «Римско-католический модернизм» (1911) пояснял: «модернисты поставили цель: привести католицизм к соглашению с современным мировоззрением» [7], поскольку уже сами теологи, священники и интеллектуалы видели в традиционном католицизме ригидную систему, неспособную адаптироваться к вызовам времени. Цель модернизма — обновить Церковь, сделав веру релевантной для современного человека, который все больше полагался на разум, эмпирику и индивидуальный опыт. В.А. Керенский, акцентируя внимание на углублении кризиса католицизма, как и А. Доброневский, предостерегал от широкого распространения антиклерикализма и опасности утраты влияния Церкви в современном обществе.

В 1900–1905 гг. начинается история «главного» дела Мережковских: формируется неохристианская концепция, создается знаменитое религиозное «троебратство» (Д. Мережковский, З. Гиппиус, Д. Философов), определяется программа последующей религиозно-общественной

деятельности. В 1901 г. у З.Н. Гиппиус возникает идея (тут же подхваченная Д.С. Мережковским) создания Религиозно-философских собраний, своеобразных открытых «встреч» и «знакомств» представителей интеллигенции и Церкви. Собрания, на которых председательствовал ректор Санкт-Петербургской духовной академии епископ Сергей (Страгородский) — будущий Патриарх Московский и всея Руси, были открыты 29 ноября 1901 г. Церковь сделала шаг навстречу интеллигенции. Чиновник Синода В.А. Тернавцев открыл первое заседание докладом «Русская церковь перед великою задачей», где настоятельно подчеркивал: «Сила России всегда заключалась в ее православии <...>. Возрождение России может совершиться — на религиозной почве» [27, с. 6]. Тернавцев особо остановился на положении современной русской интеллигенции: «Надломленная в сознании своей достаточности для себя, интеллигенция находится теперь в состоянии духовного обнищания и чувствует, что просвещение ее тщетно, что она перестает быть силою и обществом. Люди эти впадают в то страшное одиночество, из которого не может извлечь никакая “идея”, никакая просто человеческая сила. А так как ко Христу и Церкви можно прийти лишь, обнищавши духом, — “блаженны нищие духом”, — то теперь больше, чем когда-либо, сердце русской интеллигенции готово раскрыться на призыв к вере во Христа Спасителя и, уверовав, возродиться и принять от Него новые озарения» [27, с. 17]. Цитируя Евангелие (Мф. 5: 3), Тернавцев подчеркивал, что кризис — не конец, а шанс для религиозного возрождения. «Обнищание духом» — необходимое условие для веры, отражающее православную традицию смирения и покаяния, контрастирует с рационализмом, распространенным среди интеллигенции. Призывая к синтезу интеллигентского просветительства и веры, Тернавцев в «новых озарениях» видел путь к культурному обновлению.

На собраниях Санкт-Петербургского религиозно-философского общества бывал и польский профессор Мариан Здзеховский, очень заинтересовавшийся русским «модернизмом» — «неохристианством» [6, с. 135–138]. К тому времени он, будучи «искренним другом чешской католической литературы» [15, с. 95–109], активно публиковался на страницах ежемесячного журнала «чешского католического модернизма» *Nový Život* («Новая жизнь», 1896–1906) [36, с. 213–218]. В скором времени возникла его переписка с Д.В. Филосовым, а несколько позже —

с С.Н. Булгаковым, Г.Н. Трубецким, Н.А. Бердяевым, Д.С. Мережковским, др. По словам историка Церкви проф. И.В. Воронцовой: «Польский профессор в 1903–1911 гг. стал посредником между римско-католическим “модернизмом” и русским религиозным реформизмом в лице “нового религиозного сознания”. В основе обоих направлений модернизации традиционного религиозного сознания лежало критическое отношение к уставной, догматической, вероучительной, литургической, социальной сторонам жизни Русской и Римско-Католической Церквей. Неудивительно, что русскоязычный “неокатолик” М.Э. Здзеховский был тем источником, откуда на первых порах “неохристианами” черпалась информация об опыте религиозного реформизма в католических странах Западной Европы: возникнув десятилетием раньше, “модернизм” имел, в их понимании, определенный опыт» [2, с. 100]. Издатель «Московского еженедельника» Г.Н. Трубецкой предложил М. Здзеховскому написать ряд статей о католическом модернизме. Польский ученый согласился. В первой же статье цикла «Философский критицизм» он упомянул несколько иронично имя Д.С. Мережковского, который «хватается за религию и за философию, чтобы утвердить себя и других в необходимости веры в грядущее Царство Божие» [22, с. 39–40]. Однако более существенным, чем ирония, оказалось то, что «Здзеховский пришел к той же идее, на которой строилось творчество Д.С. Мережковского, — к жажде преображения жизни человеческого общества религией. Политика, общественная и личная жизнь должны быть освящены, проникнуты, преображены христианством» [9, с. 28]. Как и Мережковский, Здзеховский был, по словам Л. Гомолицкого, «человеком духовным. Это его свойство толкнуло его на путь религиозных исканий, осветило перед ним новым светом историю романтизма, возродило в нем идеалы польских романтиков-мессианистов, открыло его глазам и тайники русского духа» [9, с. 30]. Духовное родство польского философа и русского писателя определило их дальнейшие дружеские отношения, личные встречи, переписку.

В 1920 г. по пути в Варшаву Мережковские задержались в Вильно, где стали гостями польского ученого. З.Н. Гиппиус вспоминала: «Наш старый знакомый и друг, Мариан Здзеховский, профессор виленского университета, устраивал у себя постоянные, очень интересные собрания. Собственно, только с Вильно мы начали понимать польское общество и польские

настроения» [19, с. 321]. Правительство Юзефа Пилсудского (1867–1935) было левым, но круги, где преимущественно вращались Мережковские — католические интеллектуалы и дворянство, сохраняли правые, консервативные традиции. Польша, только что восстановленная после 123 лет разделов, была «вдрызг разорена войной» [19, с. 321], всеобщий патриотизм сочетался с антисемитизмом и «древней ненавистью к России — поработительнице» [19, с. 321]. Все в совокупности углубляло социальные конфликты и экономический хаос в стране, создавая острое напряжение между стремлением к модернизации и укорененной архаикой. Противоречия проявлялись везде — от политики (Пилсудский балансировал между левыми и правыми) до культуры, где католический консерватизм смешивался с либеральными веяниями. Для Мережковских все было «по-новому» [19, с. 321]. Однако с помощью М. Здзеховского русские «беженцы» постепенно начали ориентироваться в окружающей их обстановке.

Следующая встреча Мережковских и Здзеховского произошла в 1925 г. во Франции на лекции польского профессора в Сорбонне о русской религиозной мысли. В своей мемуарной книге “*Od Petersburga do Leningrada*” (1934) Здзеховский вспоминал:

Будучи в Париже на 400-летию Collège de France Коллеж де Франс, я посетил Мережковского. Немногих я знаю столь неизмеримо симпатичных в общении и столь несравненно великолепных в разговоре. При расставании, как всегда, где и когда снова встретимся?

— Может в Вильно, — сказал, смеясь Мережковский, — задержимся там, когда будем возвращаться в Петербург. Подхватила его жена, исключительно талантливая поэтесса и писательница Зинаида Гиппиус.

— Это возможно? Как вы думаете? Часто ли у Вас бывают точные предчувствия или предсказания?

— К сожалению, это ощущение конца, хотя я и поляк, у меня не менее яркое и глубокое, чем у русского Мережковского, и то, на что смотришь и видишь, подтверждает эти чувства. Это сознательное и фанатичное подчинение темным силам истории, конкретней говоря, личности или идее дьявола <...> с высот человечества мы падаем с возрастающей скоростью брошенного камня в бездну небытия. «Как пусто, как страшно в этом божьем мире!» — говорил Гоголь <...>

— Но такая пустота — продолжал Мережковский, — такого запустения, как сегодня, не было еще от начала мира.

— И не означает ли это, сказал я, конец истории? Не противоречит ли возможность возвращения в Петербург всему тому, о чем вы думали и писали? Думаю, одним утешением будет сказать, что логика пророчества еще не является доказательством его будущего исполнения: логика не правит историей.

— Поэтому, — ответил Мережковский, — давайте пока не терять надежды, может быть, мы встретимся в Вильнюсе [35, с. 100].

В Вильнюсе Мережковским и Здзеховскому встретиться более не довелось. Однако стоит упомянуть, что внимание к ним вновь активизировалось в начале 1990-х гг., когда в отделе рукописей Научной библиотеки Вильнюсского университета был обнаружен архив М. Здзеховского с письмами к нему братьев Сергея и Евгения Трубецких, Н.С. Арсеньева, Д.В. Философова, Д.С. Мережковского [23, с. 147–156]. Как отмечал публикатор «Писем из Парижа в Вильнюс» А. Йокубайтис: «Д. Мережковский, как и каждый человек, оказавшийся не по своей воле на чужбине, мечтал о возвращении на Родину. Он не дожил до заветного дня, но его творчество сегодня вновь становится достоянием Отечества. Пусть же публикация неизвестных доселе писем Д. Мережковского в нашем журнале засвидетельствует о том, что в пути на Родину он все-таки не миновал Вильнюс и его робкая надежда (“... может быть, встретимся в Вильнюсе”), хотя и символически, но осуществилась» [23, с. 151].

3

В Архиве Польской Академии Наук обнаружено неопубликованное письмо Д.С. Мережковского к Мариану Здзеховскому, написанное 3 ноября 1929 г. из Ле-Канне в Вильнюс. Ниже приводится текст письма:

3/XI/29

Villa Tranquille

Le Cannet

Alpes Maritimes

France

Глубокоуважаемый и дорогой Мариан Людвигович¹, как мне жаль, что письмо Ваше не нашло нас в Париже, так что мы едва ли увидимся, если только не заедете сюда, на юг, где чудесно и где Вы могли бы остановиться и отдохнуть у нас — мы были бы так этому рады. Посылаю Вам (в По... <не удалось расшифровать слово полностью. — Л.Л.> — сегодня праздник — выслать нельзя) своего «Наполеона»: французский том «N. l'Homme» (русского нет под рукой) и русский — «Жизнь Н.». Не найдете ли для него польского приличного издателя? Книга переведена на все языки, кроме польского. Если бы нашли, Вы этим оказали бы мне большую услугу. Мы возвращаемся в Париж не ранее 10 декабря. К этому времени Вы уже не будете там? Как жаль, повторяю, — о стольком хотелось поговорить! Ну, всего, всего хорошего. З.Н. сердечно кланяется Вам.

Ваш Д. Мережковский².

В 1929 г. Мережковские с января по июнь жили в Париже, а с июня до начала декабря обитали на «Villa Tranquille» («Тихая Вилла»), в курортном кантоне Ле-Канне (тогда в 13 км от Канн) на Лазурном Берегу. Вилла находилась в прекрасном зеленом районе с видом на Средиземное море, окруженная садами и оливковыми рощами. Это было своего рода «убежище» Мережковских для творчества и приема близких гостей. З.Н. Гиппиус упоминала виллу как «тихое гнездо», где можно было сосредоточиться на писательстве вдали от парижской суеты. Через центр городка шел бульвар Карно, застроенный в конце XIX – начале XX в., когда Ле-Канне стал модным местом для отдыха европейской аристократии и русской интеллигенции. Приезжавшую публику привлекала оригинальная архитектура «прекрасной эпохи» (Belle Époque), изысканные особняки в стиле ар-деко (Art déco), где

1 Отчество Мариана Здзеховского — Эдмундович. Неточности такого рода иногда встречаются в переписке Д.С. Мережковского.

2 Archiwum Polskiej Akademii Nauk. III-102. Materiały Mariana Zdziechowskiego. Korespondencja wpływająca K-M. 1902–1938. 42. Dymitr Merezkowski. L. 107.

господствовала замысловатая смесь наполеоновского ампира и египетской архаики, узкоколейный синий трамвайчик, зеленые скверы с пальмами, платанами и цветочными клумбами, чудесные кафе в стиле Belle Époque. Бульвар стал идеальным местом для прогулок и отдыха. З.Н. Гиппиус записывала: «Солнце Ривьеры и тогда светило так же, улыбаясь в море. Голубой ветер шелестел перьями пальм» [20, с. 499]. Особой популярностью у Мережковских пользовалось неоднократно упоминаемое Гиппиус «Café des Allées», где они обычно встречались со своими гостями. В частности, есть свидетельства о встречах в чудесном «аллейном кафе» Мережковских с В. Ходасевичем, Н. Берберовой, В. Вейдле, другими [30, с. 275].

В своем письме Дмитрий Сергеевич любезно приглашает М. Здзеховского «на юг, где чудесно» и где он мог бы хорошо «отдохнуть». Письмо датировано 3 ноября 1929 г. В тот день во Франции не было никакого государственного праздника, это было обычное воскресенье после Дня всех святых (1 ноября) — религиозного католического Дня всех святых (La Toussaint) — поминовения святых, а также усопших близких, когда французы посещают кладбища, украшают могилы цветами, зажигают свечи, чтобы почтить память умерших. Далее Дмитрий Сергеевич сообщал, что выслал ему две свои книги о Наполеоне: первый том в переводе на французский язык («N. L'Homme»), поскольку русского не оказалось «под рукой», и второй том на русском языке «Жизнь Наполеона». Наполеон — один из вечных спутников писателя. Впервые он затронул тему Наполеона в книге «Л. Толстой и Достоевский» (1901–1902), где не принял трактовку Бонапарта Л.Н. Толстым в «Войне и мире», поскольку «в сущности <...> образ неумного, даже прямо глупого Наполеона так и остается неизменным до конца романа» [24, с. 224]. А в очерке «Св. Елена» (1913) описал умирающего Наполеона — «не генерала, не консула, не императора, а “человека”, “l’homme”» — как «называл его простой народ Франции» [26, с. 98], и то же время «вечный, страшный символ индивидуализма, самодовления личности» [26, с. 114].

В начале 1929 г. в белградском издательстве «Русская Библиотека» Мережковский опубликовал двухтомный философско-исторический роман-биографию о Наполеоне [25]. Французский император, согласно концепции писателя, одновременно «человек из Атлантиды» и «апокалипсический Всадник», призванный известить мир о конце Второго Завета как

символическое выражение борьбы между метафизическими началами. В трактовке современного исследователя В.В. Полонского Наполеон — «персонаж из эсхатологической мистерии, в которой “нераздельно” и “неслиянно” соприсутствуют два противоборствующих сверхисторических начала: “человекобожеский” антропоцентрический универсализм и “богочеловеческое” “неосознанное” прозрение тайны собственной “Жертвы” в свете будущего Второго пришествия и утверждения Царства Св. Духа» [10, с. 258].

Новая книга писателя вызвала интерес среди русских эмигрантов и европейцев. В том же 1929 г. появились ее переводы на французский, английский и некоторые другие европейские языки. На выход первого тома «Наполеон. Человек» сразу отозвался известный в эмиграции исторический романист, литературный критик И.С. Лукаш, отметивший в своей рецензии, что Мережковский, пережив «внутренний перелом», отказался от «изображения многообразного тела бытия»; теперь все его творческие усилия направлены на «разгадку и понимание духа бытия», поскольку «истинное искусство — всегда богопознание и боговыражение» [8, с. 4–5]. Критик акцентировал внимание на эволюции писателя от изображения мира к метафизическому поиску, при котором искусство становится инструментом богопознания. В результате Наполеон предстает как вечная мистерия, воплощающая богочеловеческий дуализм, что усиливает рецепцию романа как одного из ключевых текстов русской эмигрантской литературы. Кроме И.С. Лукаша, на книгу отозвались М.Л. Гофман, П.М. Пильский, И.А. Ильин и А.А. Яблоновский.

Первый том книги Мережковского на французском языке «Napoléon, L'Homme» [31] вышел в переводе Мишеля Дюмениля де Грамонта (Michel Dumesnil de Gramont, 1888–1953) — знатока русского языка и славянских традиций. Он перевел на французский язык также некоторые произведения М. Горького, А.К. Толстого, И. Бунина [3, с. 113–132]. В библиографическом обзоре книг и журналов «La Quinzaine critique des livres et des revues» Андре Пьер (André Pierre) опубликовал рецензию, где указал: «Мы становимся свидетелями нового восхождения Наполеона на небеса славы. Его чудесная эпопея поочередно пленяет лучшие умы и недавно вдохновила на написание трех прекрасных книг Эмиля Людвиг, Дмитрия Мережковского и профессора Дж. Холланда Роуза. Немец, русский, англичанин <...>» [33, с. 32].

По мнению критика, Наполеон, выйдя за пределы Франции, принадлежит всей Европе. Мережковский реабилитировал Наполеона, заявив: «Сто лет мы клеветаем на Наполеона. Не пора ли наконец сказать: он — самый оклеветанный из всех героев» [33, с. 32]. Русский философ прежде всего стремился ответить на диатрибы И. Тэна и Л. Толстого, и он возложил свою лирическую и мистическую жертву к ногам человека, покоящегося в Доме Инвалидов. Никто не мог превзойти его в дифирамбах: «Этот последний герой христианского человечества», «умнейший из всех, кто когда-либо жил, по крайней мере, за последние 2000 лет», «мудрейший из людей», существо, «не имеющее себе равных» [33, с. 32]. Рецензент считает книгу Мережковского «величественным гимном восхищения». Апокалиптический стиль писателя, считал критик, может смутить читателя, не знакомого с глубоко личной христианской философией господина Мережковского, но он основан на «самых достоверных документах», изобилует историческими рассказами, из которых вырисовывается «демонический» образ неуязвимого вождя, мастера мужества и экстаза, за которого «в демоническом истступлении» погибли миллионы людей, и который сам умер, лишь исполнив волю Судьбы» [33, с. 32].

В парижском обозрении «Revue de Paris» Марсель Тьебо (Marcel Thiébaut), рассматривая в библиографической хронике несколько произведений о Наполеоне, особо выделил раздел в романе Мережковского, где речь шла о высокой работоспособности Наполеона, считая эту черту одной из важных для французского императора, который, не зная чувства усталости, работал по 15 часов и спал не более 4 часов в день. Тьебо заметил также, что для Мережковского, как и для других авторов, французский император был «человеком без языка, народа и родины» [34, с. 473], т. е. историческим деятелем общеевропейского масштаба.

Д.С. Мережковский сообщил М. Здзеховскому о том, что его «книга переведена на все языки, кроме польского». А далее последовал вопрос-предложение-просьба: «Не найдете ли для него?» Таким образом адресант сформулировал главную цель письма, а далее выразил благодарность с придаточным уступительным: «Если бы нашли, Вы этим оказали бы мне большую услугу». В завершение письма последовала краткая информация о планах по возвращению в Париж («не ранее 10 декабря»), вопрос («К этому времени Вы уже не будете там?»), сожаление («Как жаль... о стольком

хотелось поговорить!»), пожелания и поклоны «Ну, всего, всего хорошего. З.Н. сердечно кланяется Вам»). Услуга, о которой просил Д.С. Мережковский, была оказана. Книга вышла в одном из крупнейших издательств того времени (*Księgarnia Wydawnicza Trzaska, Evert i Michalski*), основанное совладельцами Владиславом Тржаской, Яном Михальским и Людвиком Эвертом, главным редактором издательства тогда был доктор философии, публицист, энциклопедист, критик и литературовед Станислав Лам (*Stanisław Lam*). Перевел роман один из лучших переводчиков в Польше Павел Гулка-Лясковский (*Paweł Hulka-Laskowski*, 1881–1946). Он переводил не только с русского, но и с чешского (он сам выходец из семьи чешских эмигрантов), немецкого, английского, французского языков. Помимо переводческой деятельности, Гулка-Лясковский занимался оригинальным творчеством, выступая как поэт, прозаик и публицист. Успехом у читателей пользовались его стихи и такие книги, как роман «Лейтенант Режье» (*„Porucznik Regier“*, 1927) о жизни польских евангелистов, а также мемуары «Мой Жирардов» (*„Mój Żyrardów“*, 1934) и «Луна над Чешиным» (*„Księżyc nad Cieszynem“*, 1946). Двухтомник Д.С. Мережковского в польском переводе Павла Гулка-Лясковского „Napoleon“ — фолиант в великолепном кожаном переплете, был издан в 1930 г. [32]. Мачей Твардовски (*Maciej Twardowski*) — биограф Лясковского, указывая на высокий уровень его мастерства, считал, что перевод книги Мережковского «Наполеон» выполнен «весьма достойно» и относится к «наиболее известным» [18, с. 366].

В письмах (1931–1936 гг.) Д.С. Мережковского к М. Здзеховскому, обнаруженных А. Йокубайтисом в Вильнюсском архиве, русский писатель, констатируя несомненные «различия» и даже «противоположности» между собой и польским ученым, подчеркивал: «мы оба понимаем друг о друге, что каждый из нас живет в самом существенном не только для себя, но и других людей» [23, с. 155]. В своих посланиях Мережковский открыт и откровенен, почти в каждом он искренне благодарит адресанта за «добрые слова», «понимание», «доброе внимание» [23, с. 150], очень трогательно пишет о полученных им к Пасхе 100 золотых, которые «принял как святой дар бедного бедному» [23, с. 154], сообщает о «черных днях изгнания», «страшном одиночестве», «кошмаре», в котором сейчас живет [23, с. 152, 153], о болезнях, «все более трагических», «ужасающих материальных обстоятельствах»: «буквально веревка на шею!» [23, с. 153], делится рабочими

планами: «пишу новую книгу “Иисус Неизвестный”» [23, с. 152, 153], «буду участвовать в Вашем юбилейном сборнике» [23, с. 153], «поеду во Флоренцию на комитет конгресса “Высокой культуры”» [23, с. 154], проч.

Обращает на себя внимание тот факт, что практически в каждом послании есть вариации на тему: *«Вы этим оказали бы мне большую услугу»*, т. е. различные просьбы, от выполнения которых зависят, как видно, жизненно важные для него обстоятельства. Протицирую несколько фрагментов, подчеркивая формы речевого этикета Дмитрия Сергеевича, стремящегося — вольно или невольно — повлиять на своего адресанта для осуществления значимых для него действий.

Так, в письме от 7 декабря 1931 г. Мережковский отмечает: «Вы мне пишете о моей “Атлантиде”. Вы один из немногих в Европе, которые могли понять эту книгу. <...> Очень хотелось бы мне видеть Вашу статью (рецензию на “Атлантиду”. — Л.Л.). Пришлите ее. <...> прошу выслать ее и Д.В. Философову (в газету “За свободу” в Варшаве), а также проф. Ф.Ф. Зелинскому» [23, с. 152]. Как видно, писатель здесь балансирует между похвалой и почти требованием, сочетая комплиментарность с жестковатой краткостью делового предложения — конкретного и целенаправленного.

В письме от 22 февраля 1932 г. — это период, когда в среде русской эмиграции развернулась «борьба» за Нобелевскую премию, — Мережковский акцентирует внимание на морально-этической компоненте: «Что касается премии Нобеля, то это было бы, конечно, спасением для меня. <...> Если бы Ваш Виленский Университет или кто-либо из польской Академии, или даже Вы лично вместе с некоторыми Вашими коллегами могли меня рекомендовать в кандидаты. <...> Мое положение материально, в самом деле, становится все более трагическим» [23, с. 153]. Несмотря на то что во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. Мережковский, наряду с другими крупными писателями русского зарубежья, получал материальную поддержку со стороны чешского и сербского правительств, положение его оставалось сложным и во многих отношениях уязвимым.

В письме от 2 мая 1932 г. Мережковский сообщал: «издатель “Современного Обозрения” в Кракове <...> берет главу из “Иисуса неизвестного” на Октябрь и очень просил меня, чтобы я обратился к вам с просьбой на-

3 Фаддей Францевич Зелинский (1859–1944) — профессор кафедры классической филологии Варшавского университета в 1922–1939 гг.

писать статью об этой книге, которая скоро выйдет на русском <...>. Ваша статья будет чудесной рекомендацией моей книги, и он, Badeni, дает надежду найти мне издателя для польского перевода этой книги. Очень прошу вас написать эту статью к октябрю — времени довольно» [23, с. 154]. Здесь, как видно, автор использует форму опосредованной просьбы «от издателя». Поскольку ответными письмами Здзеховского по означенным вопросам мы не располагаем, то не можем судить о выполнении/невыполнении этих просьб. Однако оценка и отношение польского профессора к русскому писателю, безусловно, выражены в его «Рекомендации» 1932 г.:

Его превосходительству Председателю Нобелевского Комитета

Я беру на себя смелость поддержать кандидатуру Дмитрия Мережковского, представленную Латинской Академией.

Нет нужды анализировать творчество Мережковского. Поэт, прозаик, мыслитель широкого и глубокого охвата, он достаточно известен в Европе. Большая часть его сочинений переведена на французский, немецкий и другие языки.

Мне кажется, что в том аспекте, который вдохновил знаменитого основателя Нобелевского фонда, Мережковский более, чем кто-либо другой, заслуживает сегодня этой награды. Колоссальный интуитивист, он сумел уловить самый сокровенный смысл событий, театром которых в настоящее время является Россия, и глубоко осознал ту огромную опасность, которой подвергается наша цивилизация.

Все его творчество доказательство тому. Это могучий и красноречивый призыв к братству и солидарности европейских наций в сопротивлении «натиску обезличивания», который исходит с Востока и грозит утопить индивидуальность в духе коллективизма, превратить человеческую личность, человека, который мыслит, молится и уповает, в автомат, лишенный способности мыслить, желать, дышать, — в человека-машину.

Д-р Мариан Здзеховский. Профессор сравнительной литературы, в прошлом ректор Виленского университета, член Польской Академии и Венгерской Королевской Академии, представитель польского класса Латинской Академии [23, с. 155–156].

Такова услуга, оказанная польским ученым русскому писателю. Несмотря на поддержку, Мережковский, как известно, премию не получил. «Решением Шведской академии от 9 ноября 1933 года Нобелевская премия <...> присуждена Ивану Бунину за правдивый артистичный талант, с которым он воссоздал в художественной прозе типичный русский характер» [1, с. 301–302]. Однако «Рекомендация» М. Здзеховского, как и весь процесс эпистолярного общения, — безусловное свидетельство духовного единения, взаимоуважения двух мыслителей, преодолевавших в результате многолетнего интеллектуального диалога национальные барьеры, политические бури и эмигрантские невзгоды.

Список литературы

Исследования

- 1 *Бабореко А.К.* Бунин: Жизнеописание. М.: Молодая гвардия, 2004. 457 с.
- 2 *Воронцова И.В.* «Вселенность есть высшая точка, к которой должны мы стремиться»: Письма С.Н. Булгакова М.Э. Здзеховскому (1905–1906) // Русский Сборник: исследования по истории России. М.: Регнум, 2012. Т. 13. С. 97–111.
- 3 *Гарциано С.А.* Пореволуционное культурное наследие Д.С. Мережковского во Франции // Литературный факт. 2017. № 3. С. 113–132.
<https://doi.org/10.22455/2541-8297-2017-3-113-132>
- 4 *Глинский Б.Б.* Орест Федорович Миллер // Исторический вестник. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1889. Т. 37. С. 340–364.
- 5 *Дианова В.М.* Творческая деятельность Мариана Здзеховского в свете его двойной идентичности // Studia culturae. 2021. № 1. С. 46–53.
- 6 *Ерофеев И.Д.* Особенности католического модернизма Мариана Здзеховского // Славянский мир: общность и многообразие. М.: Институт славяноведения РАН, 2023. С. 135–138. <https://doi.org/10.31168/2619-0869.2023.1.26>
- 7 *Керенский В.А.* Римско-католический модернизм. Харьков: Тип. «Мирный Труд», 1911. 63 с. // Азбука веры. Православная библиотека. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vladimir_Kerenskij/rimsko-katolicheskij-modernizm/ (дата обращения: 23.12.2025).
- 8 *Лукаш И.С.* Мережковский: По поводу его книги «Наполеон» // Возрождение. 1929. № 1395. 28 марта. С. 4–5.
- 9 *Николаев Г. [Гомолицкий Л.].* Мариан Здзеховский и русские богоискатели // Новая Польша. 2008. № 10. С. 28–30.
- 10 *Полонский В.В.* Между традицией и модернизмом. Русская литература рубежа XIX–XX веков: история, поэтика, контекст. М.: ИМЛИ РАН, 2011. 472 с.

- 11 *Teijmюллер Г.* Бессмертие души: Философское исследование / пер. А.К. Николаева под ред. [и с предисл.] Евгения Боброва. Юрьев: Печатня А. Гренцштейна, 1895. 200 с. // Азбука веры. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/bessmertie-dushi-filosofskoe-issledovanie/#source> (дата обращения: 23.12.2025).
- 12 *Dobroniewski A.* Modernizm i moderniści. Poznań, Druk. Księgarni św. Wojciecha, 1911. 160 s.
- 13 *Paprocki H.* Marian Zdziechowski i rosyjski renesans religijny // Karto-Teka Gdańska. 2020. Nr. 1 (6). S. 49–58.
- 14 *Paprocki H.* Recepcja rosyjskiej myśli religijnej w Polsce // Elpis. 2005. T. 7. Nr. 11–12. S. 193–203.
- 15 *Rogalski M.* Marian Zdziechowski a Katolická moderna. Na tropie związków polskiego i czeskiego modernizmu katolickiego // Studia z Historii Filozofii. 2014. T. 5. Nr. 1. S. 95–109.
- 16 *Skoczyński J.* Marian Zdziechowski // Marian Zdziechowski 1861–1938: W 70 rocznicę śmierci: praca zbiorowa. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2009. S. 144–149.
- 17 *Skoczyński J.* Wartość pesymizmu. Studia i szkice o Mariane Zdziechowskim. Kraków: Uniwersytet Jagielloński, 1994. 161 s.
- 18 *Twardowski M.* Paweł Hulka-Laskowski, w setną rocznicę urodzin // Rocznik Mazowiecki, 1987. Nr. 9. S. 359–369.

Источники

- 19 *Гиппиус З.Н.* Живые лица. Воспоминания. Тбилиси: Мерани, 1991. Т. 2. 384 с.
- 20 *Гиппиус З.Н.* Мелькнувшее мгновенно // *Гиппиус З.Н.* Чего не было и что было: Неизвестная проза (1926–1930 гг.). СПб.: Росток, 2002. С. 497–503.
- 21 *Гомолицкий Л.Н.* Сочинения русского периода. Прозаические произведения. Литературно-критические статьи. «Арион». М.: Водолей, 2011. Т. 3. URL: <https://lit.wikireading.ru/35870> (дата обращения: 23.12.2025).
- 22 *Здзеховский М.Э.* Философский критицизм // Московский еженедельник. М., 1908. № 2. С. 39–40.
- 23 *Мережковский Д.С., Здзеховский М.Э.* Д.С. Мережковский и М.Э. Здзеховский. Письма из Парижа в Вильнюс // Вильнюс. 1990. № 1. С. 147–156.
- 24 *Мережковский Д.С.* Лев Толстой и Достоевский / изд. подгот. Е.А. Андрущенко М.: Наука, 2000. 587 с.
- 25 *Мережковский Д.С.* Наполеонъ. Белград: Русская Библиотека, 1929. Т. 1: Наполеонъ-человѣкъ. 170 с.; т. 2: Жизнь Наполеона. 259 с.
- 26 *Мережковский Д.С.* Св. Елена // *Мережковский Д.С.* Было и будет. Дневник 1910–1914. Невоенный дневник. 1914–1916. М.: Автограф, 2001. С. 98–114.
- 27 *Тернавцев В.А.* Русская церковь перед великою задачей // Записки петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903). М.: Республика, 2005. С. 5–19.

- 28 Урсин М. Очерки из психологии славянского племени. Славянофилы. СПб.: Тип. Г. Шахта и Ко., 1887. 224 с.
- 29 Урсин М. Религиозно-политические идеалы польского общества. Очерк. С предисловием графа Л.Н. Толстого. Лейпциг: Э.Л. Каспрович, 1896. 30 с.
- 30 Ходасевич В.Ф. Из переписки В.Ф. Ходасевича (1925–1938) // Минувшее. Исторический альманах. 3. Paris: Atheneum, 1987. С. 262–292.
- 31 Merejkovsky D. Napoleon, L'Homme / traduit du russe par M. Dumesnil de Gramont. Paris: Edit. Calmann-Lévy, 1929. 236 p.
- 32 Merezkowski D.S. Napoleon. Z oryginału przełożył Paweł Hulka-Laskowski. Warszawa: Drukarnia Narodowa, 1930. 326 s.
- 33 Pierre A. Napoléon, L'homme, par Dimitre Merejkovsky, traduit du russe par M. Dumesnil de Gramont. Paris: Calmann-Lévy // Quinzaine critique des livres et des revues, 1929. № 1. P. 32.
- 34 Thiébaud M. Chronique bibliographique. Autour de Napoléon // La Revue de Paris. 1930. № 1. S. 467–480.
- 35 Zdziechowski M. Od Petersburga do Leningrada. Wilno: Drukarnia Jana Bajewskiego, 1934. 162 s.
- 36 Zdziechowski M. Idea katolická ve společnosti polské // Nový Život. 1902. S. 213–218.

References

- 1 Baboreko, A.K. *Bunin: Zhizneopisanie [Bunin: Biography]*. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2004. 457 p. (In Russ.)
- 2 Vorontsova, I.V. “‘Vselenskost’ est’ vysshaia tochka, k kotoroi dolzhny my stremit’sia’: Pis’ma S.N. Bulgakova M.E. Zdzekhovskomu (1905–1906)” [“‘Universality is the Highest Point to Which We Must Strive’: Letters of S.N. Bulgakov to M.E. Zdziechowski (1905–1906)”. *Russkii Sbornik: issledovaniia po istorii Rossii [Russian Collection: Studies on the History of Russia]*, vol. 13. Moscow, Regnum Publ., 2012, pp. 97–111. (In Russ.)
- 3 Gartsiano, S.A. “Porevoliutsionnoe kul’turnoe nasledie D.S. Merezhkovskogo vo Frantsii” [“The Post-Revolutionary Cultural Legacy of D.S. Merezhkovsky in France”]. *Literaturnyi fakt*, no. 3, 2017, pp. 113–132. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2017-3-113-132> (In Russ.)
- 4 Glinkii, B.B. “Orest Fedorovich Miller” [“Orest Fedorovich Miller”]. *Istoricheskii vestnik*, vol. 37. St. Petersburg, Tipografiia A.S. Suvorina Publ., 1889, pp. 340–364. (In Russ.)
- 5 Dianova, V.M. “Tvorcheskaiia deiatel’nost’ Mariana Zdzekhovskogo v svete ego dvoinei identichnosti” [“The Creative Work of Marian Zdziechowski in Light of his Dual Identity”]. *Studia culturae*, no. 1 (47), 2021, pp. 46–53. (In Russ.)

- 6 Erofeev, I.D. "Osobennosti katolicheskogo modernizma Mariana Zdzekhovskogo" ["Features of Catholic Modernism by Marian Zdziechowski"]. *Slavianskii mir: obshchnost' i mnogoobrazie* [The Slavic World: Community and Diversity]. Moscow, Institut slavianovedeniia RAS Publ., 2023, pp. 135–138. <https://doi.org/10.31168/2619-0869.2023.1.26> (In Russ.)
- 7 Kerenskii, V.A. "Rimsko-katolicheskii modernizm" ["Roman Catholic Modernism"]. Khar'kov, Tipografiia "Mirnyi Trud", 1911. 63 p. *Azbuka very. Pravoslavnaia biblioteka*. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Vladimir_Kerenskij/rimsko-katolicheskij-modernizm/ (Accessed 23 December 2025). (In Russ.)
- 8 Lukash, I.S. "Merezhkovskii: Po povodu ego knigi 'Napoleon'" ["Merezhkovsky: Regarding his Book 'Napoleon'"]. *Vozrozhdenie*, no. 1395, 1929, pp. 4–5. (In Russ.)
- 9 Nikolaev, G. (Gomolitskii, L.). "Marian Zdziechovskii i russkie bogoiskateli" ["Marian Zdziechowski and Russian God-seekers"]. *Novaia Pol'sha*, no. 10, 2008, pp. 28–30. (In Russ.)
- 10 Polonskii, V.V. *Mezhdru traditsiei i modernizmom. Russkaia literatura rubezha XIX–XX vekov: istoriia, poetika, kontekst* [Between Tradition and Modernism. Russian Literature at the Turn of the 19th and 20th Centuries: History, Poetics, and Context]. Moscow, IWL RAS Publ., 2011. 472 p. (In Russ.)
- 11 Teikhmiuller, G. "Bessmertie dushi: Filosofskoe issledovanie" ["The Immortality of the Soul: A Philosophical Investigation"], trans. by A.K. Nikolaeva, ed. [and with introd.] by E. Bobrov. Iur'ev, Pechatnia A. Grentsshteina Publ., 1895. 200 p. *Azbuka very*. Available at: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/bessmertie-dushi-filosofskoe-issledovanie/#source> (Accessed 23 December 2025). (In Russ.)
- 12 Dobroniewski, Andrzej. *Modernizm i moderniści*. Poznań, Druk. Księgarni św. Wojciecha Publ., 1911. 160 p. (In Polish)
- 13 Paprocki, Henryk. "Marian Zdziechowski i rosyjski renesans religijny." *Karto-Teka Gdańska*, nr. 1 (6), 2020, pp. 49–58. (In Polish)
- 14 Paprocki, Henryk. "Recepcja rosyjskiej myśli religijnej w Polsce." *Elpis*, vol. 7, nr. 11–12, 2005, pp. 193–203. (In Polish)
- 15 Rogalski, Michał. "Marian Zdziechowski a Katolická moderna. Na tropie związków polskiego i czeskiego modernizmu katolickiego." *Studia z Historii Filozofii*, vol. 5, nr. 1, 2014, pp. 95–109. (In Polish)
- 16 Skoczynski, Jan. "Marian Zdziechowski." *Marian Zdziechowski 1861–1938: W 70 rocznicę śmierci: praca zbiorowa*. Kraków, Księgarnia Akademicka, 2009, pp. 144–149. (In Polish)
- 17 Skoczynski, Jan. *Wartość pesymizmu. Studia i szkice o Mariane Zdziechowskim*. Kraków, Uniwersytet Jagielloński, 1994. 161 p. (In Polish)
- 18 Twardowski, Maciej. "Paweł Hulka-Laskowski, w setną rocznicę urodzin." *Rocznik Mazowiecki*, vol. 9, 1987, pp. 359–369. (In Polish)